

1916.

Февраль.

РУДИНЪ



№ 6.



Б.Л

Цѣна 20 к. На ст. жел. дор. и въ провинціи 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЛЕВЪ НИКУЛИНЪ	Баллада (стихотв.)	СЕРГЪЙ КРЕМКОВЪ.	Мое творчество (стих.).
Ю. ХИТРОВО	Зимняя бабочка	НИКОЛАЙ ЛАВРОВЪ	Потерявшіе кошелекъ.
ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Стансы (стихотв.)	ДМИТРІЙ МАЙЗЕЛЬСЪ	Пьяное чудовище (стих.)
АЛЕКСЪЙ МИХАЙЛОВЪ	Морозъ (стихотв.)	Л. ХРАПОВИЦКІЙ.	Циркъ
М. А. РЕЙСНЕРЪ	Карнаваль	НАДЕЖДА НОЛЛЕ	Таперъ

ОБЛОЖКА РАБОТЫ: Е. Праведникова.
КАРРИКАТУРЫ. А. Д. Топикова.
ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ . С. Н. Грузенберга, Е. Праведникова, Н. Струнке и М. Гейтманъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И

Въ № 5 журнала „Рудинъ“ въ стихотвореніи Софьи Зарѣчной въ первой стрѣфѣ, было по ошибкѣ напечатано „Ахъ Боже мой, со временъ глубокой древности“, слѣдуетъ читать „Ахъ Боже мой, по нашихъ дней со временъ бездонной древности“...

X^й годъ изданія



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДАМСКІЙ МІРЪ“

ЕДИНСТВЕННОЕ ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ РОСКОШНОЙ ОБЛОЖКѢ

редакторъ-издательница графиня А. З. МУРАВЬЕВА

Петроградъ. Невскій, 88, телефонъ 128-74.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Женщина на войнѣ. Домашній уходъ за больными и выходящими. Какъ питать больныхъ. Кушанья для больныхъ. Новости въ области косметики. Совѣты и рецепты для устраненія чрезмѣрной худобы и полноты. Уроки пластики, мимики и танца. Спортъ. Вопросы воспитанія. Хроника моды, съ рисунками собственныхъ корреспондентовъ изъ Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Модное бѣлье, корсетъ. Мужскія моды. Домъ и хозяйство. Сервировка. Составленіе меню. Обѣды мясные, постные и вегетаріанскіе. Прикладное искусство. Рукодѣлье. Модныя работы для обстановки. Новости фотографіи. Художественный отдѣлъ. Гобелены. Русскія старинныя кружева. Русскій старинный фарфоръ. Музыкально-театральное обозрѣніе. Беллетристика. Стихотворенія. «Мои отвѣты» на запросы. Почтовый ящикъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) КАЛЕНДАРЬ „ДАМСКІЙ МІРЪ“ на 1916 г., по примѣру прошлыхъ лѣтъ болѣе 300 стр., годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ.	2) 2 АЛЬБОМА ДѢТСКИХЪ МОДЪ.
	3) 1 АЛЬБОМЪ БЛУЗЪ вЪ ЮБОКЪ.
	4) 12 узоровъ, листовъ въ натур. велич.
	5) 12 выкроеч. лист. (на обор. узор.).

Богатый выборъ ГОТОВЫХЪ ВЫКРОЕКЪ отъ 10 до 60 коп. на два размѣра. ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЙ ПРОСПЕКТЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкой въ Петроградъ и Нижегородимъ на годъ 9 р. на 6 мѣс. 4 р. 75 к., на 3 мѣс. 3 р. 50 к. Безъ доставки на годъ 8 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ 80 коп. безъ приложеній.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ: ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА, НЕВСКІЙ, 88.





М. Нечитайло-Андреевко.

ЛЕВЪ НИКУЛИНЪ.

Баллада.

У палача была любовница,
Она любила пѣнный грогъ...
Кто знаетъ, гдѣ теперь виновница
Его мучительныхъ тревогъ.

Она бродила ночью въ гавани,
Таилась въ баркахъ, на мели,
И плакала, когда изъ плаваний
Не возвращались корабли.

И въ утро гибели „Жемчужины“
Она слѣдила абордажъ,
Слѣдила, какъ обезоруженный
Погибъ на реяхъ экипажъ.

И кто не помнитъ эти жалобы,
И кто не слышалъ этотъ плачъ,
Когда ушелъ съ пиратской палубы
Одѣтый въ красное палачъ.

Еще качались трупы въ саванѣ,
Подъ реями, плечомъ къ плечу,
Когда блудница старой гавани
Принадлежала палачу..

Но развѣ ласки купишь золотомъ,
Когда любовь не горяча?
И по утру, въ одномъ заколотомъ
Толпа узнала палача...



М. Н. Я.



Ю. ХИТРОВО.

Зимняя бабочка.

Шлепая туфлями, старикъ бѣжалъ къ двери, въ которую кто-то усердно барабанилъ кулаками.

„Очевидно, звонокъ не дѣйствуетъ, надо скорѣй открыть“—думалъ старикъ, суетливо перебирая уставшими ногами.

За дверью стоялъ гимназистъ, окончательно потерявшій терпѣніе отъ долгаго ожиданія... И за воротникъ его пальто стекали капли воды: на фуражкѣ точно вершина Монблана сіяла корона изъ снѣга.

— Ну, зачѣмъ понадобился этотъ неистовый стукъ?

— Добрый часъ стою я передъ дверью и молю: Сесамъ, Сесамъ, откройся!—Не дѣйствуетъ, а примѣненіе грубой физической силы моментально помогло, папа!

— Вытри хорошенько ноги... Смотри сколько грязи наташилъ, брезгливо отвѣтилъ отецъ на шутку сына и, повернувшись, направился въ столовую

— Велѣтъ давать завтракъ?

Ласково спросила молодая дѣвушка у недовольнаго отца.

— Да прошу... я очень голодень.

Три человѣка сѣли за столъ и молча стали поѣдать бараньи котлетки...

Много котлетокъ на своемъ вѣку съѣлъ старикъ.

Глупая, старая нянька въ дѣтствѣ безъ конца разсказывала ему про церемоніаль на Страшномъ Судѣ; нянька утверждала, что „всѣхъ добрыхъ встрѣтитъ Господь на Судбищѣ домашнихъ животныхъ и скажетъ имъ такъ: идите ко мнѣ, вы, много претерпѣвшія неправды и зла отъ людей, идите и паситесь на лугахъ царства Моего“...

Въ юности голову старика посѣщали странныя мысли, какіе то осколки отъ няниной сказки, онъ подымалъ тогда голову къ красивому небу, обѣщая принести жизнь въ безкровную жертву... Голубое небо смѣялось въ отвѣтъ на голубыя мечты юноши.

Дѣвушка ѣла котлеты механически—молодая головка точно расплавленнымъ золотомъ была наполнена поэзіей и творчествомъ. Третій день она работала надъ риемами посвященными веснѣ... Третій день на бумагѣ ложились слова, сложенные во славу цвѣтовъ, луговъ, пасущихся на нихъ бѣлыхъ стадъ барашковъ и живописныхъ пастуховъ...

Сынъ ѣлъ съ большимъ животнымъ удовольствіемъ; товарищи называли его „философъ-дырка“—дѣти, не думая дали это прозвище... Мальчикъ понималъ жизнь, только руководствуясь большой полкой съ книгами въ его комнатѣ да синимъ свѣтомъ падавшимъ изъ окна на его письменный столъ. На всѣ споры и разговоры о „жизни“ съ друзьями-подростками онъ рѣзко выкрикивалъ: „надо стараться прожить такъ, чтобъ какъ можно меньше замараться!“

Утоливъ голодь, гимназистъ нарушилъ молчаніе радостнымъ напоминаніемъ, что въ апрѣлѣ онъ кончаетъ гимназію. Отецъ и сестра стали живо обсуждать, какъ лучше и дешевле одѣть юношу въ штатское...

... Новый костюмъ изъ отечественнаго сукна будетъ стоить 100 рублей—„немыслимо!“, согласились всѣ и удрученно замолчали...

— Папа, у тебя есть фракъ, который ты никогда не надѣвалъ—давай, сдѣлаемъ изъ него что-нибудь для меня... Шикарно выйдетъ...

Всѣ трое поднялись и пошли въ прихожую: тамъ стоялъ ветхій шкафъ, и въ немъ много, много лѣтъ висѣлъ ненужный фракъ.

Жадные взгляды троихъ обняли состарившійся фракъ... Гимназистъ вопилъ: „пantalоны роскошныя выйдутъ“...

Невѣдомо откуда, но на рукавѣ фрака сидѣла желтая большая бабочка, и ея зелененькіе глазки изумрудно глядѣли на удивленное trio...

Отецъ, сынъ и дочь благоговѣйно умолкли... Въ холодномъ февралѣ, на старомъ фракѣ—прекрасная бабочка!

Крылышки желтаго чуда незамѣтно для людей

притянули къ себѣ все лучшее, что жило подь суетой, скукой, старостью и молодой жестокостью въ трехъ стоящихъ людяхъ...

Отецъ предложилъ устроить бабочкѣ иллюзію лѣта... Сынъ натянулъ сырую шинель и помчался въ цвѣточный магазинъ за „лѣтомъ“...

Розовый гіацинтъ приложили къ пыльному рукаву фрака, усики бабочки почувствовали аромать цвѣтка, и она радостно перешла въ сказочное царство красокъ...

Длинная черная такса нервно слѣдила за всѣми четырьмя...

Таксу старикъ называлъ „Доброй“ и часто подь гладила плюшевую спину животнаго...

Невѣдомое, темное и безпокойное почувствовала собака, слѣдя за трепещущими крыльями бабочки... Сжавшись и дрожа всей атласной шкуркой, таксикъ сѣлъ поодаль и не сводилъ глазъ съ

цвѣтка, бабочки и надь ними опущенной лампы съ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ...

Отецъ, сынъ и дочь безмолвно любовались и радовались бабочкѣ: въ шелестъ ея крыльевъ старикъ слышалъ свою весну прошедшаго, дѣти—весну будущаго...

Бабочка расправила мечтательныя крылышки, снялась съ гіацинта и полетѣла...

Она ошиблась: крылья измѣнили ей... Хотя три пары человѣческихъ глазъ съ безграничной нѣжностью слѣдили за ея полетомъ... Но она упала на полъ, и таксикъ, повинувшись святому закону инстинкта, схватилъ ее въ свою черную пасть...

Дѣвушка вскрикнула и залилась слезами...

Собака любовно глядѣла на остолбенѣвшихъ хозяевъ, привѣтливо махала хвостикомъ и ясно говорила: „повѣрьте, я не виновата, такъ надо“...

— Такъ надо.

Ю. Хитрово.



ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

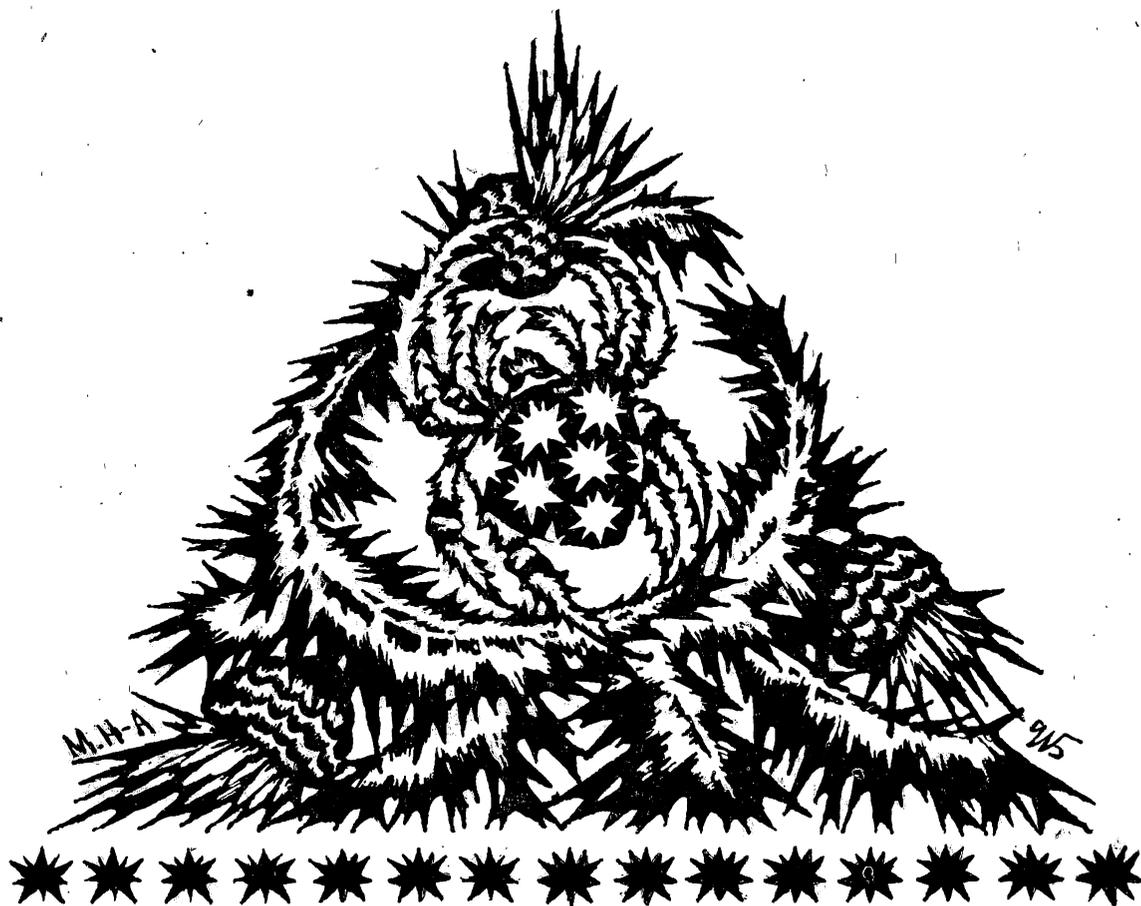
Стансы.

Какъ неподвижно—мертво тѣло,
Какъ тяжело—остыла боль,
И смерть ее запечатлѣла,
Какъ безнаказанно и смѣло
Повелѣвающій король.

Но тѣнь усмѣшки запоздалой
Лица глубоко-блѣдный цвѣтъ
Хранить, какъ ржавчина кинжала,
Всю горечь вырваннаго жала
И недержанныхъ побѣдъ.

Кто, Всеобъемлюще-Широкій,
Чтобы умѣрить эту казнь,
Возьметъ, какъ поцѣлуй жестокий,
Души обугленные токи,
Ея предсмертную боязнь...





АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВЪ.

Морозъ.

Когда на оттепель угроза,
Вдругъ зарумянится закатъ, —
Я въ ожиданіи мороза
Мечтой тревожною объять.

Я жду его, а онъ украдкой
Въ ночи неслышно подойдетъ,
И затрещитъ подь мертвой хваткой
На рѣчкѣ растолстѣвшій ледъ.

Въ мерцанье звѣздъ волеетъ онъ холодъ,
Дастъ снѣгу небывалый скрипъ,
И глянетъ съ нимъ, двурогъ и молодъ;
Блестящій мѣсяца изгибъ.

Взойдетъ старикъ чрезъ ходъ балконный,
Любя изысканную блажь,
И жизнь внесетъ въ узоръ оконный
Его коварный карандашъ.



М. А. РЕЙСНЕРЪ.

Карнаваль.

Бумъ-бумъ-бумъ—вздыхаль. большой барабанъ подъ ударами шарика палки, которымъ молотилъ толстый красный субъектъ съ апоплексической шеей, остановившимися глазами и лиловыми жилками на громадномъ носу.

— Къ намъ пожалуйте—виждала изъ-за него мохнатая обезьяна: у насъ самый лучший „Садъ пытокъ“. Прямо по Мирбо. Послѣднія новости. Самыя свѣжія и пикантныя звѣрства: тевтонскія, турецкія, венгерскія и болгарскія. Облизете пальцы!

— Къ намъ, почтеннѣйшая публика, ревѣлъ въ большой грамофонный рупоръ пьеро, намазанный мѣломъ и раздавленной клюквой.—Къ намъ—великолѣпнѣйшій балъ мертвецовъ: молодые утопленники и прекрасныя кокотки, любовь и смерть, послѣдній танецъ ядовитыхъ газовъ.

— Не слушайте мелюзги, баць-баць, подкрѣплялъ литаврами свой призывъ чортъ-волшебникъ и вдругъ начиналъ щелкать соловьемъ: истина, истина, правда, справедливость, всякій фаршъ для головы, жареные каштаны, красота, красота, идеалы, лозунги, принципы—становился вверхъ ногами и подъ отвалившимися внизъ фалдами демонстрировалъ рядъ лицъ, намалеванныхъ у него на ногахъ.

— Фу, чертовщина, подлинно самый настоящій дьявольскій шабашъ. И я сталъ наблюдать мелькавшія вокругъ меня лица и фигуры. Онѣ странно мѣнялись какъ во снѣ, однѣ переходили въ другія, и цѣлая смѣющаяся, говорящая и кривляющаяся вереница ежеминутно обновляла свои гроздыя.

Было весело. Но тѣмъ особеннымъ весельемъ, которымъ полны истеричныя женщины и до слезъ, до трагическаго изступленія смѣющіяся дѣти.

На минуту задуматься—значило въ ужасѣ бѣжать отъ этого сумасшедшаго дома. Но я не бѣжалъ и сталъ вмѣстѣ съ ними смѣяться и плакать.

Нынче особый карнаваль,—карнаваль, когда обнажаются пропасти, и летитъ къ чорту съ горы добродѣтельная ложь, спасительница общества.

И я протянулъ кому-то руки, почему-то подпрыгнулъ, закричалъ и вмѣстѣ съ призрачной толпой, обнимая чей-то горячій станъ, одурманенный неожиданнымъ дождемъ муки и сильнымъ ароматомъ духовъ, двинулся въ обширный полутемный залъ.

Было очень весело. Не смотря на то, что возлѣ меня сидѣлъ человекъ, который платкомъ зажималъ рану на груди, и понемногу темнѣлъ его платокъ... Но съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, съ блестящими глазами, въ которыхъ отражались огни сцены, онъ глядѣлъ на чудеса, которыя показывалъ кудесникъ.

Это было славное зрѣлище. Передъ нами въ громадной стеклянной вазѣ билась и дрожала живая или оживленная—кто ихъ разберетъ—человѣческая душа. Съ нея были сняты всѣ покровы. И было видно, что эта ваза только одинъ освѣщенный пунктъ въ ея жизни, въ который она вливается какъ струя, пронизанная лучемъ солнца. Но было видно очень хорошо.

Человѣкъ съ лицомъ лемура и полузакрытыми глазами комментировалъ медленно-гудящимъ голосомъ проходящую передъ нами картину:

— Передъ вами проходитъ—гнусавилъ онъ—душа, душа человекъ. Она есть сонъ, вѣчный, незаконный сонъ. И дано ей безсмертіе сна. Она всегда спитъ. И потому нѣтъ у нея начала, что нѣтъ начала у сна. Ибо все всегда спитъ, а сонъ и есть единая истинная жизнь. Спитъ трава и спитъ камень, спитъ и грезитъ животное, спитъ, мечтаетъ и грезитъ человекъ.

И вдругъ раздалися со всѣхъ сторонъ свистки

и крики проклятія и передъ возвышеніемъ, на которомъ стоялъ чернѣй ораторъ, закувыркались, заметались фигуры.

— Мы не спимъ, мы не спимъ, мы не спимъ—пищали тонкіе голоса, — мы не спимъ—вторилъ имъ какой-то въ высокой медвѣжьей шапкѣ усатый съ сѣдыми баками гренадеръ.

— Мы не спимъ—падали и подымались, свивались и по стѣнамъ расползались звуки, мы...

— Вы спите—гудѣлъ ораторъ. — Вотъ душа! Смотрите!

Онъ замолкъ, и улеглась во внимательной тишинѣ поднявшаяся и уже утихшая буря.

Душа спала. Маленькимъ солнечнымъ кружкомъ наверху трепетало сознание и иногда подобно свѣтлой воронкѣ опускалось внизъ, отдѣляло нѣсколько вѣточекъ и подымалось вверху. Иногда сознание угасало совѣмъ. Но жизнь, сонная, темная, напряженная жизнь, перевитая видѣніями и желаніями, освѣщаемая изнутри цвѣтными отблесками, она шла непрерывно изъ міра въ міръ и лишь порой приносила извнѣ фосфоресцирующія теплымъ заревомъ волны...

Но вотъ душа преобразилась. Ея темная глубина засвѣтилась, засіяла почти вся. Нѣчто вродѣ круглой молніи родилось въ ней. То пришла волна отъ солнца къ солнцу. Спиральями, кругами и звѣздами сочетались перемѣнчивыя видѣнія. Она стала громадной, и лента сѣвернаго сіянія обвила стеклянную вазу. Свернулась—ушла. Стало темно.

— У людей—опять началъ свои объясненія блѣдный лемуръ—у людей это называется рожденіемъ бога. Но онъ во снѣ всегда и вѣченъ какъ сонъ, ибо жизнь и есть сонъ.

Стало вдругъ темно и холодно. Казалось, въ воздухѣ начали танецъ не то снѣжныхъ хлопья, не то большія бѣлыя, безшумныя бабочки.

Кто-то вскрикнулъ и упалъ. То кончилъ жизнь мой сосѣдъ съ раненой грудью. — Огней, огней.—Суетливые, смущенные, улыбающіеся, съ прояснившимся взоромъ, мы, видѣвшіе мистерію души, встали и вышли изъ театра. Кто-то запѣлъ... И стройный хоръ подхватилъ торжественную мелодію...

Ха-ха-ха... Несся намъ на встрѣчу цѣлый полкъ шутовъ и арлекиновъ.—Идемъ ковать, идемъ играть, идемъ мастерить. Мы кузнецы, каменщики, артисты и лжецы. Мы шарлатаны и прелюбодѣи слова. Мы—творцы.

Въ высокіхъ колпакахъ, въ іезуитскихъ шляпахъ, развѣвающихся и танцующихъ мантияхъ съ бычачьими пузырями въ рукахъ, они мигомъ разстроили нашу присмирѣвшую процессію. И сразу съ какимъ-то ожесточеніемъ, со слезами на глазахъ, мы начали драться и смѣяться, всхлипывать и ликовать.

Передъ нами ярко размалеванныя полотна,—продранныя какъ старыя декораціи, облившіяся подъ дождѣмъ и вѣтромъ. Нелѣпо на какихъ-то рваныхъ веревкахъ и криво прилаженныхъ шестахъ щиты и картины всевозможныхъ стилей и эпохъ. И надъ ними хороводъ пестрыхъ вымпеловъ и флаговъ, хлопающихъ и развѣвающихся по воздуху.

— Общественный балаганъ, тайны мадридскаго двора, голоса съ балкончиковъ какія-то пародіи на людей въ разноцвѣтныхъ лохмотьяхъ—фабрика юстиціи, полиціи, администраціи, кастраціи и ассенизаціи, патентованные кобурги, габсбурги, лимбурги, цоллерны! Только у насъ, только у насъ самые лучшіе Фердинанды—идите смотрѣть—измѣны и предательства, захваты и дипломаты—съ пылу горячіе!

И мы ввалились, почти оглушенные визгомъ флейтъ и дудокъ, въ балаганъ. Мы хлынули налево, гдѣ подъ красными флагами и фригийской шапкой было написано: „Его высококонелѣпіе, вседобрѣйшій, всесвятѣйшій и всеглупѣйшій великій государь, господинъ народъ“.

За краснымъ барьеромъ здѣсь было много любопытнаго, а одѣтый страшнымъ анархистомъ и бомбистомъ веселый паренъ показывалъ разныя приспособленія и картинки. Шель аукціонъ выставленныхъ вещей.

— Машинка всеобщаго голосованія старой французской работы, патентъ Лу-лу, въ пять минутъ превращаетъ народную волю въ маленькаго Бонапарта, 5 франковъ, кто больше? Говорите, устарѣла?—Ничего, комунибудь пригодится.—Никто не отзывается?—Ладно, найдемъ другою!

— Наилучшій коммунистическій намордникъ, системы „Равенство или смерть“, будучи разъ надѣтъ, больше не снимается, измѣняетъ голосъ, передѣлываетъ мозги, превращаетъ живого человѣка въ автоматъ, заводится сзади, одинаково дѣйствуетъ во всякую погоду—3 копейки, кто больше?—Никто? Ишь, умные какіе! Не беспокойтесь, и не замѣтите, какъ надѣнуть. Не этотъ, такъ другой!

— Еще господа, восхитительная штука. Новѣйшій трансформаторъ. Смотря по обстоятельствамъ оборачиваетъ либераломъ, радикаломъ, прогрессистомъ, социалистомъ. Годень на всякій ростъ. Возможно и соединеніе двухъ сразу, террориста и провокатора, социалиста и ростовщика. 100 долларовъ, вѣрное обезпеченіе на всю жизнь, кто больше?—Что, говорите, скучно?

— Стойте, вотъ веселая вещица—земной рай, немного потертый, но еще вполне годный, чтобы тащить за собой измученныхъ и несчастныхъ, смотря по желанію на баррикады и крѣпости, на... Ничего, что просвѣчиваетъ, и видна его рваная подкладка, въ опытныхъ рукахъ, да передъ толпой безумцевъ... Въ придачу еще статуя свободы...

Но добрый паренъ не кончилъ. Передъ нимъ не осталось никого. Охваченные неудержимой тошнотой и скукой, мы всѣ какъ-то осѣли и одинъ за другимъ переползли въ сосѣднее помѣщеніе.

О, тамъ дѣйствительно было весело! Въ большомъ, освѣпительномъ освѣщенномъ залѣ работали громадныя машины. Въ безумной оргіи вокругъ нея прыгало добрыхъ два десятка отцовъ отечества благословенной Германіи, вокругъ нихъ гремѣли доспѣхами бронированные юнкеры, носились одѣтые подводными лодками палачи, пьяными толпами сами шли на смерть тысячи вооруженныхъ Михелей, громыхали выстрѣлы, вспыхивали тамъ и здѣсь огни, и въ колоссальномъ котлѣ съ надписью „Gott, Kaiser, Vaterland und Compagnie“ кипѣла славная, горячая человѣческая кровь.

А кругомъ, кругомъ,—сколько каедръ, возвышеній, амвоновъ, цѣлые ярусы балконовъ, и съ нихъ говорятъ, голосятъ, вопятъ и проповѣдуютъ апостолы слова, уличные ораторы—за войну, за покореніе міра, за торжество національной мощи, за уничтоженіе, истребленіе, изувѣченіе миллионѣвъ. Какъ весело, какой славный карнаваль. А сколько серпантина. Изъ десятка тысячъ машинокъ идутъ безконечныя ленты, телеграммы, бюллетени,—идутъ и обвѣвають бумажнымъ моремъ нѣмецкій кар навалы!

Дальше, дальше!

Стопъ—„Салонъ. Волшебная биржа. Юридическая магія. Превращенный міръ“.

Что это такое?

Входимъ. Громадная лѣстница. Широкая другъ

надъ другомъ поднимающіяся террасы. Становимся внизу, смѣемся; шутимъ, толкаемся. Живемъ, арлекины и пьеро, коломбины и испанки, черти и ангелы. Цвѣтные, пестрые, разные, у каждого свое лицо.

Шагъ выше, новая ступень. Становимся сѣрыми, блѣдными, и чуть прозрачными, другъ на друга странно похожими. Успокаиваемся. Утихаемъ.

Еще выше. Совсѣмъ теряемъ краски, 'движеніе' жизнь. Деревенѣемъ. И не только руки, ноги, голова, такъ-что можно ихъ отнять отъ тѣла и снова приставить. Но становятся сѣрыми, прозрач-

Въ первомъ сараѣ продаютъ и покупаютъ превращенныхъ въ кубики людей, сложенную въ кубики любовь, честь, совѣсть, талантъ, живую силу, огурцы, сапоги и сметану. Это волшебная биржа. Потому-что какъ-же иначе можно продавать и покупать все, что у насъ продается и покупается?

Во второмъ сараѣ идетъ судъ. На громадныхъ вѣсахъ уравниваютъ превращенныхъ въ кубики людей съ разсыпанными въ кубики вещами—чувства и предметы, мысли и наказанія, деньги и совѣсть.

Въ третьемъ устанавливаютъ міровой порядокъ.



ными и вмѣстѣ совершенно твердыми наши чувства, мысли, желанія.

Всходимъ наверхъ. Куча автоматовъ. Оглядываемся. Со всѣмъ міромъ случилось тоже. Жизнь, движеніе, своеобразие ушли. Остались кубики и палочки, равныя другъ другу, одинаковые, сѣрые.

Удивительно! Что это значить. Немного страшно: а вдругъ мы не оживемъ?

Ха-ха ха, вѣдь это карнавальное волшебство. Это только такъ. И передъ нами открываются новыя двери и мы понимаемъ все.

На одни ряды кубиковъ накладываются другіе и подсчитываются, создаются фигуры и постройки, игрушечные домики и игрушечный порядокъ. Кубики—облака, кубики—небо, кубики—звѣзды, кубики—животныя, кубики—люди, мысли, образы, страданіе, любовь.

Смерть въ статистическихъ таблицахъ, въ бухгалтеріи, въ юриспруденціи, въ твердой линіи кубической истины...

— Да здравствуетъ хаосъ! Летимъ въ какую-то пропасть, и, Боже, какъ мы радуемся и хохочемъ, какъ

любujemy нашими примѣтами, какъ цѣнимъ наши недостатки, нашу исключительность, наше своеобразіе и оригинальность...

Темнѣетъ горизонтъ. Зажглась вечерняя звѣзда. Фонарики и лампы опоясали карнавалъ. Это погребальныя свѣчи. Сейчасъ карнавалъ будетъ сожженъ. Надо использовать послѣднія минуты. Надо упиться до конца безуміемъ.

Въ Пантеонъ, въ Пантеоны! Тамъ послѣдняя пьеса жизни, великое утѣшеніе и переходъ въ реальность, настоящую подлинную реальность, ибо такъ надоѣли чудеса и маски, кривлянье, шлепки и глупые обманщики.

Идемъ по аллеѣ великихъ людей. Длинный рядъ статуй. Всякія знаменитости: Наполеоны, Бисмарки, Александры Македонскіе, придворные поэты, министры, общепризнанные гении, сочиненія коихъ хоть никто и не читаетъ, но тѣмъ не менѣе всѣ считаютъ образцовыми.

Съ великими людьми карнавалъ сыгралъ злую шутку. Такъ какъ живые въ этотъ день надѣваютъ маски, то съ мертвыхъ для праздника сняли маски, которыми ихъ украсили старательные художники и благодарное потомство.

Боже, на что они были похожи, когда съ нихъ сняли гипсовое, мраморное и бронзовое величіе. Какая медкая злоба и пошлость вылѣзла на ихъ лица. Какой гаденъкій изгибъ получили фигуры. Какъ искательно и трусливо прищурились глаза, и какими великолѣпными идиотами стояла ихъ добрая половина.

Неудивительно, что надѣла на нихъ проходящая толпа шутовскіе колпаки, украсила ихъ ослиными ушами или обвѣсила лоскутьями и бубенцами.

Наконецъ, — то великіе стали сами собой, отдохнули отъ вѣчнаго маскарада!

Но вотъ и Пантеонъ. Круглое зданіе. Громадный амфитеатръ. Середина пуста. Потушены всѣ огни. Потолокъ раскрытъ, и на присмирѣвшую, потонувшую въ ночномъ сумракѣ толпу смотреть строго глубокое темно-синее небо, усыянное звѣздами. Примолкли. Ожидаютъ. Лишь немногіе подняли голову и задумались, замечались. Лишь немногіе начинаютъ дышать мерцаніемъ звѣздъ, протянувшихъ въ небесное окно свои золотыя нити.

Большинство настроено нетерпѣливо. Имъ мало неба и звѣздъ. Имъ нуженъ кумиръ, чтобы поклоняться, — сусальный, карнавальнй богъ, чтобы его видѣть и слышать и не сомнѣваться.

И онъ пришелъ, поднялся изъ театрального люка арены и заблестали огни, закрылось наружное небо, и заструились по плечамъ идола стеклярусь, фольга, поддѣльные камни, а на головѣ засвѣтилась великолѣпная бумажная корона. Загремѣла музыка, завывли жрецы. Начался танецъ. Воцарилась пошлость.

Бумъ, бумъ, найдено божество.

Бумъ, бумъ, конецъ карнавалу.

М. Рейснеръ.



СЕРГѢЙ КРЕМКОВЪ.

Мое творчество.

Арпеджіо спустившейся струны,
Гармонія изъ диссонансовъ гордыхъ
И звѣздный дождь печальной новизны,
Расплавленной въ дымящихся аккордахъ.

Взмывающій полетъ безумныхъ квинтъ,
Симфонія горячечнаго бреда,
Влекущая, какъ черный лабиринтъ,
Гдѣ греза — нить, и каждый шагъ — побѣда.

Кровавый потъ истерзанныхъ октавъ
Подобенъ кличу бѣдствій неизбѣжныхъ...
И въ этихъ звукахъ, руки разметавъ,
Лежитъ Мадонна, — нѣжная изъ нѣжныхъ!



НИКОЛАЙ ЛАВРОВЪ.

Потерявшіе кошелекъ.

Однобоковъ-Флюсовъ, занятой и богатый человекъ, служилъ въ министерствѣ, занимался статистикой и, сидя въ своемъ кабинетѣ, думалъ.

Мелькнула мысль около одной графы:—процентъ людей, ищущихъ и разыскивающихъ потерянное.

— Надо бы сдѣлать экспериментъ. И онъ написалъ объявление въ газеты: *„Нашелъ кошелекъ съ большими деньгами. Потерявшихъ просятъ зайти для опознания къ Однобокову-Флюсову. Тамъ-то“*.

Объявление вышло. И утромъ, когда не было еще и девяти, уже раздавались звонки.

Вошла взволнованная дама.

— Я очень извиняюсь. Я извиняюсь. Я вообще... Я извиняюсь. И очень, очень извините.., но я... у меня... да и вообще у меня много пропадало кошелековъ. У меня часто пропадаютъ. Не держатся въ рукахъ. Вообще и теперь пропадаютъ. Можетъ быть, вы нашли какой нибудь кошелекъ. Не нашли ли вы мой—хоть одинъ. Я очень рада, что я пришла первая. Право, какой вы добрый... ну, какой добрый... Я такъ много теряю ридикюлей. У меня они пропадаютъ. Я разсѣяна...

— Сударыня, это кошелекъ, а не ридикюль...

— Нѣтъ, это ридикюль, обсыпанный бисеромъ.

— Нѣтъ, сударыня, это кошелекъ.

— Ну, кошелекъ. Это я нарочно сказала, чтобы васъ сбить. Ну, да, это кошелекъ. Лежалъ въ ридикюль и выпалъ по дороге.

— Нѣтъ, сударыня, вы напрасно стараетесь угадать. Надо опредѣлить точно всѣ примѣты.

Но дама ничего не слушала и сосредоточилась на отгадываніи.

— Авось, удастся отгадать. Вѣдь столько теряла. Боже мой, сколько теряла, а тутъ еще вы публикуете, что общаете большую сумму въ награду.

— Сударыня, вы не хотите слушать, я никогда никакой награды не общалъ.

Его ударило въ потъ, и онъ не зналъ, какъ ее выпроводить.

— Позвольте еще одно слово, перебила она. Велика ли все-таки сумма.

— Вы должны сами назвать.

— Ну, нѣтъ. Это невысказимо. Развѣ вы знаете вотъ сію минуту, сколько рублей и копеекъ находится въ вашемъ карманѣ. Я сколько ни теряла—никогда не знала. Да и вообще, выходишь изъ дому и не знаешь, есть ли съ тобою деньги и сколько. Нѣтъ, скажите, я васъ умоляю, сколько денегъ было въ кошелекѣ. Сумма дѣйствительно большая. А? И вы, если угадаю, отдадите?

— Зачѣмъ же, сударыня, вамъ знать о дѣлѣ, до васъ не касающемся.

— Я васъ умоляю. Я васъ прошу. Вы хотите къ нимъ, туда? Вы выйдете, и тамъ навѣрно кто нибудь отгадаетъ. И вообще навѣрно отгадаетъ. Позвольте просить васъ не отдавать никому.

— Какъ такъ.

— А такъ. Я приду. Завтра я навѣрно отгадаю. Я подумаю и отгадаю. У меня это уже такъ бывало. Такъ можно! Ну, смотрите же, до завтра. И

она вышла, повторяя:—никому не отдавайте кошелек. Никому.

Въ приемной собралось нѣсколько человекъ: сидѣлъ почтенный пожилой мужчина, двѣ дѣвочки, человекъ съ длинной бородой и волосами, въ поддевку и другіе, которыхъ трудно уже было замѣтить.

Всѣ встали, желая войти, и спрашивали.

— Я хотѣлъ бы спросить, мнѣ не нужен кошелек. Я хотѣлъ бы получить свѣдѣнія единственно лишь для вычислений. Еслибъ Вы могли дать мнѣ нѣсколько положеній. Я профессоръ высшей математики—на основаніи теоріи вѣроятности я могу рѣшить. чей кошелекъ.

— Позвольте, перебили барышни. Мы пришли тоже, и это несомнѣнно нашъ кошелекъ.

Имъ не далъ говорить человекъ въ поддевку, перегородивъ дорогу онъ протискался впередъ и посылалъ:

— Боясь препонъ и чтобы предупредить, прошу выслушать меня. Я именно и естъ то лицо, которое имѣло несчастье потерять кошелекъ и притомъ съ большою суммою въ немъ находящейся...

Его прервала дама. Она не дала никому разинуть рта. Она взвизгивала и болтала какъ трещотка.

Однoboковъ зажалъ невольнo уши и крикнулъ, что было силъ.

— Я могу принимать только по очереди.

Присутствовавшіе кричали тоже, возмущенные поступкомъ дамы. Точно за сценой бушевала толпа статистовъ.

— Я прошу и требую. Я не позволю никому распоряжаться моимъ имуществомъ. Ни одной минуты. Да-съ, ни одной.

Флюсовъ только теперь разсмотрѣлъ ее. Пожилыхъ лѣтъ, она казалась пріѣзжей изъ провинціи. Платье, хотя и мало ношенное, и даже новое, казалось старымъ. Лицо выражало зависть и черту нахальства, оно хотѣло сказать: „попробуй, я тебѣ покажу“. Корявые зубы и висѣвшіе волосы не рекомендовали гостью съ симпатичной стороны.

— Я малороска или, какъ у васъ называется, хохлушка по фамиліи Подушка. Но дѣло не въ фамиліи. Чего тутъ о ней говорить, я не для того пришла, чтобы отвѣчать вамъ, какъ моя фамилія.

— Но я и не спрашивалъ васъ объ этомъ.

— Зачѣмъ же тогда возражаете. Я потеряла кошелекъ, ну, и нечего удерживать чужое.—Добавила она раздраженно.

— Вы сами? Вы потеряли?

— Да-съ, я потеряла. Ну, что взяли! Потеряла! Вы сомнѣваетесь?

— Не можете ли описать, какой кошелекъ вы потеряли?

— Не ожидала. Что это. Допросъ? Извольте. Кошелекъ кожаный, если вы хотите выпытать всѣ секреты. Я чужимъ никогда не пользовалась, а вотъ вы, видно хотите кровныя деньги... а нашъ родъ и мы, Подушки, никогда не брали чужого...

— Не могу же я, однако, стдтъ кошелекъ вамъ, если онъ чужой. Сообщите примѣты.

— Я вамъ сказала, что мнѣ чужого не надо, и вообще ваши вопросы меня оскорбляютъ...

— Поэтому я просилъ бы васъ не терять времени. Вѣдь тамъ ожидаетъ еще много, и всѣ пришли за кошелькомъ.

— Я сказала примѣту: кожаный.

— А сколько въ немъ было денегъ.

— Денегъ. Денегъ, растерялась она. Денегъ рублей семьсотъ съ чѣмъ то.

— Не угадали. Не семьсотъ.

Подушка сразу измѣнилась. Вся ея храбрость пропала, и на лицѣ видна была жалость по разрушенной взлелеянной мечтѣ.

— А скажите, залепетала она опять, можетъ быть больше. Ахъ, какая же я, право. Я уменьшила нарочно, тамъ, конечно, было больше.

— Нѣтъ. Нѣтъ. Вы не угадали.

— Ну, такъ значитъ меньше. Ну, я васъ прошу—уже совсѣмъ заискивающе мягко чуть не умоляла она. Я не могу этого теперь себѣ простить... Но скажите, я васъ прошу, я ничево не хочу, мнѣ нужно только отгадать, я держала пари, я еще погадаю. Да вотъ что... я даже и такъ теперь скажу: тамъ было всего три тысячи.

Флюсовъ всталъ.

— Сударыня... Г-жа Подушка. Меня ждутъ.

— Я пойду. Только вы позвольте еще разъ придти. Можетъ быть, хозяинъ кошелекка не найдется. Я приду. Такъ позвольте. Запомните фамилію—Подушка.

Зашель человекъ въ поддевку.

— Я именно то лицо...

— Да, да я знаю. Пожалуйста дайте примѣты.

— Я редакторъ „Русской газеты“. Деньги были большія, кошелекъ кожаный, небольшой. Вы понимаете меня—деньги чужія.

— Почему чужія?

— Такъ, деньги пожертвованныя.

— Какъ же въ маленькій кошелекъ уложились большія деньги и чужія.

— Да видите ли, собственно невѣрно, что это былъ кошелекъ: скорѣе это былъ бумажникъ. Это какъ кто называетъ. Вообще изъ бумаги кошелекъ. Такъ что если ужъ правильно говорить, то деньги въ карманѣ были безъ кошелекка.

— Вѣроятно ихъ у васъ вытащили.

— Все возможно. Все нынѣ возможно. Не буду возражать. Все, все у насъ теперь возможно.

— Если у Васъ кошелекъ украденъ, то это не значитъ, что вы его потеряли.

— Ваша правда. И я вовсе не претендую на кошелекъ. Хотѣлъ бы только, чтобы вы приняли во вниманіе, что я патриотъ, поэтому независимо отъ всего, я просилъ бы васъ имѣть въ виду, что если никто не найдется, и такъ какъ деньги были большія, то я просилъ бы пожертвовать ихъ нашей газетѣ. Найдти, все равно сомнѣваюсь, не найдете, почему же не дать на хорошее дѣло. Намъ часто и правительство помогаетъ.

— Вы примите насъ или нѣтъ, пріотворяя дверь, заявили двѣ барышни. Мы больше ждать не можемъ. Пожалуйста, выдайте намъ... если кошелекъ нашъ.

Заходите, заходите. Можно.

Барышни начали рассказывать, какъ онѣ потеряли. Рассказывали длинно. Подробности были неинтересныя, тягуче лились, и Однoboковъ почти ихъ не слушалъ. Самое обыкновенное разгильдяйство: положили въ карманъ, который былъ, „кажется“, съ дырочкой, но за то очень длинный. Неизвѣстно, вытащили или потеряли.

— А денегъ много: 343 рубля. Родители небогаты, жалобно рассказывали онѣ. Надо за курсы внести, на прожитіе, ну, словомъ... Однoboкову очень хотѣлось помочь, онъ видѣлъ нужду, но не зналъ, какъ бы это лучше сдѣлать, чтобы не обидѣть чужое самолюбіе. И чтобы что нибудь спросить и перемѣнить разговоръ, сказала:

— Что это у васъ такъ много покупокъ.

А барышни уже обидѣлись.

— Это пирожное, тортъ, конфеты и закусить...

яблоки. Въмѣсто обѣда. Ей Богу, послѣдніе два рубля, Ну, слушайте, вы не вѣрите. Вѣдь это вмѣсто обѣда, только на сладкое—фрукты, а тортъ, вѣдь, это не обѣдъ. Вы насъ осуждаете. Ей Богу, мы потеряли...

— Да я ничего не сказалъ. Ну, право же, какое мнѣ дѣло. И ему стало еще больше ихъ жаль, этихъ наивныхъ птенцовъ, которые ѣздятъ учиться въ Петроградъ, но учатся и берутъ уроки отъ другой жизни: какъ себя держать отъ воровъ, и не быть разгильдяями. А сколько тратятъ родители на это денегъ, и иногда послѣднихъ, и влѣзаютъ въ долги для любимой Мани или Кати,—подумалъ Флюсовъ.

Съ нѣкоторой робостью, чтобы не сказать оторопью, зашелъ профессоръ математики.

— Я думаю, что легко опредѣлю, чей кошелекъ, только прошу васъ дать нѣсколько признаковъ. Ничего, если много неизвѣстныхъ, но надо, чтобы одно или два были извѣстны.

— Не разъясните ли, спросилъ Однобоковъ, для чего вамъ нужно рѣшать эту задачу.

— По вещамъ опредѣлять людей, ихъ характеръ и, наконецъ, ихъ привычки. А привычки это дарвинизмъ, это законъ природы и неумолимый. Дѣйствуетъ помимо воли, помимо желаній. Возьмемъ животныхъ, уйдемъ въ глубь вѣковъ: животное—свинья выкапываетъ корни и на концѣ рыла получаетъ хрящъ, попросту мозоль. Это затвердѣніе—мозоль потомъ формируется и окостенѣваетъ и образуется рогъ. А затѣмъ позже, когда тошная свинья вырождается и дѣлается носорогомъ. Рогъ съ завиткомъ на концѣ рыла.

Теперь Однобоковъ увлекся и слушалъ внимательно.

— Математика дана не только для того, чтобы изъ цифръ или буквъ получать числа. И я стремлюсь прикладывать. Я ищу случая. Вашъ случай для меня кладъ. Я опредѣляю статистически. По неизмѣннымъ законамъ природы. Если я знаю, кого должна полюбить моя дочь, то я знаю, кто ея дѣти и всѣ частности между этими кругами заключающіяся.

— Виновать, какіе круги. Невольно спросилъ Однобоковъ.

А профессоръ, увлекшись, не слушалъ и доказывалъ, точно чертилъ на доскѣ.

— Вездѣ однѣ и тѣ же привычки, желанія, вкусы идутъ опредѣленными линиями. Привычки опредѣляютъ время, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ. Хронометрически точно тѣло исполняетъ привычки. Руки и мускулы дѣйствуютъ, когда надо хватиться за кошелекъ. Назывемъ привычки силами. Обозначимъ стрѣлками. Куда стрѣлка направлена внизъ или вверхъ?

Опять прервали. Стучали въ дверь. Требовали, просили. Набралось много. Однобоковъ не зналъ, что дѣлать. Онъ совсѣмъ не ожидалъ, что будетъ такъ много ищущихъ... Даже не только кошелька. Нѣкоторые пришли просто посмотреть и скоро ушли, не узнавъ ничего.

— Господа, хотѣлъ онъ утѣшить, видя у многихъ на лицахъ страданіе и чаяніе. Господа, я никому не отдамъ кошелька, пока не опредѣлится настоящій хозяинъ. Не торопитесь. Приходите завтра.

Многіе вышли. Осталась дама съ видомъ сумасшедшей.

— Я должна васъ предупредить о моемъ мужѣ. Я знаю, онъ сидитъ у васъ въ кабинетѣ. Онъ тихій, но ненормальный. Бѣдный, бѣдный мой мужъ. Его трудно отличить отъ здороваго. И она сдѣлала безмѣрно жалкое лицо, и слезы брызнули изъ ея

глазъ. Страданіе и безутѣшное горе отразилось на ея прямомъ, нѣсколько лошадиномъ лицѣ. И повсему, по всей ея манерѣ, нельзя было сомнѣваться въ ея психическомъ разстройствѣ. Она кланялась и, пятась задомъ, отходила къ двери, избѣгая въ то же время встрѣчи глазъ.

А профессоръ держалъ уже передъ собою какія то бумажки. На нихъ виднѣлись начерченные кружки. Это были карточки вродѣ визитныхъ. Кружки были начерчены одинъ въ другомъ concentрически.

— Эти круги изображаютъ круги жизни черезъ каждые десять лѣтъ. Изъ центра же расходятся лучи жизни по радіусамъ. Это, объяснялъ онъ, и есть силы, т. е. привычки. Дальше отмѣтимъ порочныя привычки минусомъ, а хорошія плюсомъ и будемъ проводить ихъ—эти силы—въ разныя стороны по кругамъ. Получаются длинны силы. Вся жизнь налицо. Если мнѣ нужно составить такую карточку для какой нибудь жизни, то я долженъ знать: мужчина или женщина, къ какому классу общества принадлежитъ; какую имѣетъ главную силу, т. е. привычку. Все остальное я найду, скажу настоящее и скажу будущее. У моей жены, напримеръ, стрѣлка силы показана книзу, т. е. занятіе съ дѣтства тряпками и лоскутками. Я, другъ ея дѣтства, знаю ее, и на ней оправдываются всѣ мои расчеты. Привычка отъ тряпокъ и куколъ перешла къ жалости. Она жалѣла все, а потомъ начала убиваться. Она даже забывала часто, кого надо жалѣть, о комъ надо заботиться... Пробовалъ я отнимать объектъ заботы или жалости. Не сталъ держать собакъ, кошекъ, жена заводила себѣ другихъ идиоловъ. А когда родилась дочь, то жалости со своего лица она никогда уже не спускала, и я забылъ, когда она смѣялась. Жалость посѣщаетъ ее часто какъ припадокъ, и у нея бываютъ жестокіе приступы жалости до омраченія памяти и сознанія. Теперь, кажется, она начала жалѣть меня. Теперь я уже ничего не предпринимаю и не лечу ее, бесполезно. Вѣдь карточка мнѣ предсказала, какой ея конецъ, и въ какое пересѣченіе круга входятъ ея привычки. Слѣдующій ея кружокъ—религіозный экстазъ и сумасшествіе. При этомъ словъ онъ какъ-то особенно блеснулъ глазами, что на секунду заставило Однобокова подумать: „неблагополучно и съ тобою“.

— Очень просить васъ одна дама—сказала вошедшая горничная.

— Жаль, что намъ не даютъ заняться, сказалъ не глядя на него профессоръ.

— Повторяю, для опредѣленія мнѣ нужны нѣкоторые признаки.

Голосъ его показался теперь Однобокову очень страннымъ.

— Ну, я буду говорить, вы меня поправляйте: кошелекъ кожаный.

— Фу, опять стучать.

Однобоковъ вышелъ. Ждала дама. Она была худа, но громаднаго роста. Шляпа на ней была надѣта, какъ на палкѣ. Въ ней было соединеніе роскоши съ безобразіемъ, а говорила она какъ собаки лаютъ. Самыя визгливыя собаченки—болонки. Звуковъ, выходящихъ изо рта, она не раздѣляла, и поэтому лай ея трудно было разобрать.

— У васъ продается мантонъ съ шалью?

— Зачѣмъ же вамъ видѣть меня, изумился Однобоковъ. Горничная отвѣтила бы вамъ то же. Вы ошиблись.

— Я не могу, разъ меня не пускаютъ. Разъ я хочу. Я думаю, разъ я по публикаціи. Разъ я говорю, — не перебивайте. Важность какая. Разъ я зайду сама — мнѣ разъ плюнуть. Не откусать меня. Я тоже публикую иногда, за отъездомъ, — но меня не проведешь! Шалишь! Разъ мантонъ нуженъ, показать можно, лаяла она безъ удержу. — можно штоль, показать мантонъ съ шалью. Разъ нѣтъ, такъ давно сказали бы...

— Да сударыня, помилуйте, что вы говорите. Виновать, манто я не продаю. Позвольтѣ. Я кошелекъ продаю. Фу, ты, Господи. Ничего я не продаю, а я нашель.

— Кошелекъ. Нечего и объявлять. Нашель, ну, и ладно. А мнѣ нуженъ мантонъ. Думаю, разъ публикуютъ. Зайду, думаю. Досвиданья... Брюнетъ!.. Очень, очень, брюнетистый!..

Возвратился опять въ кабинетъ.

— Такъ я сказалъ кожанный, продолжалъ прерванный разговоръ профессоръ. Сколько въ немъ и чего — и онъ подбиралъ себѣ матеріаль.

— Въ которомъ часу былъ найденъ кошелекъ.

— Около трехъ часовъ дня.

— Да. Конечно, на главной улицѣ. И если это такъ, то онъ потерянь богатыми людьми. По таблицѣ теперь теряютъ больше всего и чаще всего женщины. Отсюда уже легко опредѣлить предѣльную сумму денегъ. И такъ какъ въ этотъ часъ женщины достатка ходятъ или за покупками небольшой цѣнности или дѣлаютъ флиртъ, то задача почти уже рѣшена. Графа потеръ подъ литерой П такихъ женщинъ даетъ намъ среднюю цифру 735 съ дробью.

Однобокову тоже стало казаться, что отгадать, чей кошелекъ онъ нашель, становится теперь легко. Въдь статистика ему такъ понятна, а выводы получаются математическіе и безъ сомнѣнія... Но онъ чуть не хлопнулъ себя по лбу, когда дошелъ до этого мѣста.

— Проклятіе. — И онъ пожалѣлъ; какъ жаль, что я дѣйствительно не нашель кошелька. А то всѣ выводы готовы и красиво во всемъ сходятся.

Его прервалъ профессоръ.

— Вложенія въ кошелькѣ были?

— Де, да были.

— Документы, обязательства, письма — дамы на свиданія не носятъ. Но возможны отклоненія. Надо составить особую кривую: надо отбросить маловѣроятныя данныя, откинуть одно поставленное предположеніе, раздѣлить на возможно дѣлимый процентъ такихъ случаевъ въ космическомъ синтезѣ, тогда останется дробь, въ знаменателѣ которой должно быть ближайшее указаніе, опредѣляющее категорію документа, хранящагося въ кошелькѣ. Но для этого у меня нѣтъ съ собою нужныхъ таблицъ и выводовъ. Пойду, — и онъ сразу, не попрощавшись, хотѣлъ выйти, но почти столкнулся съ дамой. И опять остался, повернувшись лицомъ къ окну и говоря съ самимъ собою.

— Стрѣлка книзу. Сила низа... Сила могучая. Также стрѣлка книзу — разсѣянность. Сила съ минусомъ ставится при любви и флиртѣ. Стрѣлка вверхъ съ плюсомъ, когда даютъ другъ другу обязательства, иногда денежныя. И иногда связь — стрѣлка поставлена вверхъ съ плюсомъ. Да помню. Дамъ потерявшей по моей таблицѣ 26 лѣтъ.

Теперь уже профессоръ окончательно вышелъ; испугавшись его, ушла и дама. Однобоковъ слышалъ какъ онъ сказалъ горничной:

— Завтра приду, принесу рѣшеніе.

— Завтра опять придетъ, — вздохнулъ уставшій Однобоковъ, придетъ и будетъ искать. Придутъ и другіе. Всѣ придутъ. А что я имъ скажу, когда потеряннаго нѣтъ. Еслибъ имъ это сказать, какъ это стало бы имъ непріятно. Надо искать. Искательство въдь лежитъ въ природѣ человѣка. Вотъ профессоръ — вспомнилось ему — пробовалъ вылѣчить свою жену, не давалъ ей плакать надъ кошками и собаками, а она находила что нибудь другое и жалѣла, и убивалась, и терзалась. Врожденныя привычки сильнѣе насъ. Нѣтъ, не скажу правду о кошелькѣ — окончательно утвердился Однобоковъ въ своей мысли. Пусть хоть на время будутъ въ заблужденіи. Будутъ чаять, надѣяться, дерзать. Эта ложь имъ нужна. И особенно она нужна больнымъ людямъ, на раны которыхъ она цѣлительно дѣйствуетъ.

Но вдругъ его взгляды, скользнувшій по письменному столу, не нашель золотого портсигара.

— Что это? Неужели профессоръ. Нѣтъ, это недопустимо. Кто же здѣсь былъ. — И онъ задумался. Вотъ новая задача для профессора. Портсигаръ стоилъ около тысячи рублей, и Однобокову-Флюсову не было жаль этой пропажи, но его интересовала мысль, стащилъ ли это профессоръ или дамы, заходившія въ кабинетъ.

— Можетъ быть Подушка, — подумалъ онъ. Нѣтъ невозможно. Я видѣлъ, какъ она выходила и это было на моихъ глазахъ. Барышни, у которыхъ вытащили 343 рубля — это совсѣмъ недопустимое. Тогда, значитъ, никто другой, какъ профессоръ.

— Допустимъ, что профессоръ, — началъ онъ обдумывать, примѣняя тотъ же способъ для рѣшенія задачи посредствомъ исключеній. Отбросимъ это, отбросимъ то, а это отпадаетъ само собою, и выходило всего вѣроятнѣе, что это профессоръ. Тогда что же это — манія. Клептоманія? Не могъ же онъ сдѣлать этого изъ-за нужды.

Вотъ, что придумалъ онъ немного послѣ:

— Завтра, когда придетъ онъ, и если еще кто нибудь придетъ, то всѣмъ вмѣстѣ объявлю объ этой пропажѣ. И, никого не подозрѣвая, предложу рѣшить эту задачу. Пусть отгадаютъ, кто взялъ портсигаръ. Такъ бы и сдѣлалъ, но когда назавтра была открыта дверь, и Однобоковъ заглянулъ въ пріемную, то самъ испугался происшедшаго тамъ. Народу собралось гораздо больше, чѣмъ въ первый день. И тамъ были не только Подушка, барышни и дамы, бывшія уже раньше, но пришла и вся профессорская семья во главѣ съ самимъ профессоромъ, который напряженно ходилъ, какъ въ клетку запертый звѣрь, еще болѣе сосредоточенный, чѣмъ прежде.

— Нѣтъ. Не могу, — прошепталъ Однобоковъ-Флюсовъ. Не могу выдержать, не въ силахъ, такой напоръ искателей.

И онъ бѣжалъ изъ дома чернымъ ходомъ.

Николай Лавровъ.



ДМИТРИЙ МАЙЗЕЛЬСЪ.

Пьяное чудовище.

Накинулись звуки въ нелѣпомъ трактирѣ,
 Въ машинѣ запрыгаль отчаянный маршъ....
 А чортъ ухмылялся блаженнѣй и шире,
 Въ глазахъ расплывался мой собственный шаржъ.

Злорадно и яростно взвизгнули бѣсы,
 (Скривился мучительно въ зеркалѣ ротъ):
 — „Ты съ бала приплелся жеманной принцессы,
 Съ надменной гримасой тоскуешь, уродъ!

Змѣино-глухое въ забвеніе вальса
 Вдохнула принцесса, какъ ѣдкую гарь...
 Обманутый мальчикъ! Ты пьянъ—не печалься,
 Ты сердце ей кинуть однажды, какъ царь...

Захочешь—допляшемъ, потѣшимся ловко...
 О, щелкни на славу, плюгавый курокъ,
 Пускай бы на землю скатилась головка,—
 Куда ей готовить небесный урокъ!

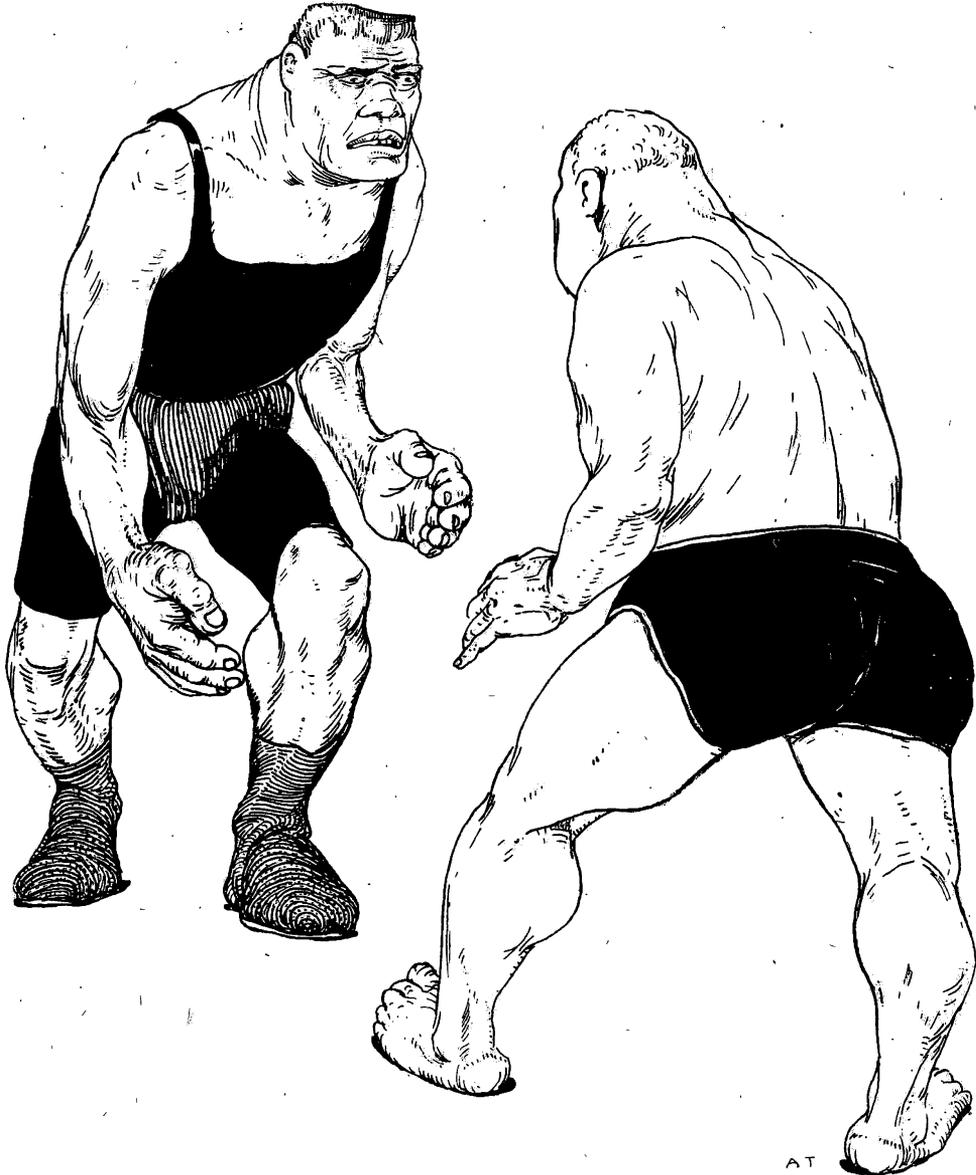
Л. ХРАПОВИЦКИИ.

Циркъ.

Громадный сарай, полный нечистыхъ человѣческихъ испареній, это—циркъ. Маленькое, жадное и визгливое кругомъ—это зрители. Но если закрыть глаза на тысячи невѣждъ, расположенныхъ ярусами другъ надъ другомъ, если не слышать страшнаго коллективнаго удовольствія и аппетита,—на

истязаній, на аренѣ становится нѣжной пантомимой любви, продажной и вынужденной, но полной очарованія.

Въ циркъ нѣтъ человѣка и животнаго, высшаго и низшаго, отсталаго и совершеннаго. Есть только артисты, влюбленные въ красоту и рискъ своей игры.



аренѣ цирка выступаетъ маленькій оазисъ человѣческой радости.

Изнасилованные упрямяствомъ укротителей, птицы и звѣри измѣнили вѣковыми привычкамъ, стали нѣжными и мудрыми, совершенно одухотворенными существами. Попугаи танцуютъ танго, лошади кружатся по замкнутому кругу, и при этомъ улыбаются свѣжими и ласковыми мордами, какъ балерины, вытянутыя на кончикъ ноги. Собака знаетъ, что дважды два четыре, и непринужденно извлекаетъ квадратные корни.

Странная близость человѣка и звѣря, достигнутая упорной дрессировкой, многими недѣлями

Артисты четвероногіе или двуногіе,—это совершенно не важно. Однихъ вдохновляетъ щелканье бича, другихъ бравурная какофонія и мѣрное покачиваніе трапеціи подъ самымъ потолкомъ.

Опьяненіе растеть, переливается черезъ край, радость стучится во всѣ двери; ея шагъ—отчетливый танецъ копытъ, ея улыбка—свѣжесть обнаженныхъ тѣлъ, азиатское спокойствіе, балансирующее на концѣ высокаго шеста.

И только подъ конецъ, когда совершены всѣ подвиги животной и человѣческой граціи, когда послѣдній шутъ покидаетъ войлочный коверъ—люди арены вспоминаютъ о публикѣ, со всѣмъ ее

раздраженнымъ любопытствомъ...

Слѣдующій номеръ.

Начинается борьба.

Рукопожатіе. Первое осторожное объятіе. Еще царить романтика игры, положенія выразительны и спокойны.

Ловкость раскачивается на высокиѣ, сильныхъ ногахъ и смѣясь уходитъ изъ мертвой петли напряженныхъ мускуловъ.

Лукавые глаза внимательны, лица блѣдны, и вздрагиваютъ губы.

Но зато кругомъ, во всѣхъ ярусахъ и этажахъ, потеряно все человѣческое. Звонкомъ судьи едва сдерживаетъ растущій гулъ, невыразительное, неодоушевленное мычаніе.

Сразу становится слишкомъ душно, тѣла борющихся краснѣютъ и покрываются испариной. Тѣсно сжатые руки ищутъ болѣзненныхъ, жестокихъ прикосновеній. Насиліе оскорбляетъ, и уперевъ ладонь потной руки въ чье-то возбужденное, задышающееся лицо, опускается на четвереньки.

То, что еще недавно было сдержанной силой Геркулеса Фарнезскаго, теперь стало горой покраснѣвшаго мяса, нечленораздѣльнымъ воемъ, мстительнымъ скотствомъ.

Ноги побѣжденнаго, затынуты въ розовое трико, жалко и смѣшко дрыгаютъ въ воздухѣ, не находя опоры, пока ихъ не прижимаетъ громадное, но проворное колѣно.

На дѣтскихъ праздникахъ, на елкахъ и именинахъ, вокругъ подарковъ и конфетъ иногда разгораются нелѣпо-ожесточенныя свадки. Тогда обидно-исцарапанныя лица, измятые крахмальные воротнички и сбившіеся волосы внушаютъ какую-то горькую и порывистую жалость.

Взрослымъ становится неловко за размазанныя слезы и неприлично-мокрый дѣтскій носъ, который громко „шныркаетъ“ и всхлипываетъ.

Но когда большія „малютки“, намявъ другъ другу бока, поднимаются съ грязнаго ковра и раскланиваются—то на нихъ облизуется тщедушный обыватель, а въ газетахъ читаемъ: „Туръ-дететь“ г. Тимошкина изъ Калифорніи можетъ довести слона до истерикъ...

Какъ скучно. Маленькій оазисъ радости нестерпимо пропахъ конюшной, и въ мутномъ воздухѣ нагло хлопаютъ бичи...

— „Послушайте, швейцаръ, скорѣе мои капоши“,

Л. Храповицкій.

НАДЕЖДА НОЛЛЕ.

Т а п е р ь .

Плохо слушаются пальцы, и долго треть ихъ старый таперъ, прежде чѣмъ начать играть.

„Танго валяй!“

И подъ звуки танго извиваются, изгибаются, плывутъ двѣ женщины. Не видно ихъ лицъ. Только зеленой и желтой змѣей отраженія по временамъ скользятъ въ зеркалѣ. Сегодня кутятъ на славу два старыхъ купца. Развалясь въ креслѣ, потягивая шампанское, смотрятъ на женщинъ. Чѣмъ безстыднѣе жестъ, тѣмъ страшнѣе, тѣмнѣе лица.

„Танго валяй!“

И онъ играетъ, играетъ безъ страсти, безъ увлеченія, безъ мысли. Скользятъ двѣ змѣи въ зеркалѣ, и кажется, что это не настоящее, что это не правда, что нѣтъ отдѣльнаго кабинета, нѣтъ пьяныхъ купцовъ и продажныхъ женщинъ: все только тѣни, только отраженія, а правда вся тамъ, позади, гдѣ-то далеко, когда таперъ былъ молодъ. Сегодня, сейчасъ, здѣсь, подъ его игру танцуютъ двѣ женщины и въ танцѣ продаютъ себя, танцуютъ танецъ страсти и безумія, яркаго пьяненія, гдѣ каждый жестъ—объщаніе икаждая улыбка—призывъ, танцуютъ скучно и безстыдно, и заученно улыбаются раскрашенные лица, лживо-призывно мерцаютъ глаза. А когда то подъ его игру...

Мишень, „мадемуазель!“

Освѣщена высокая бѣлая зала, рядами выстроились въ бѣлыхъ пелеринахъ дѣвочки.

„Мишень, начинайте!“

Нѣжные и томные люются звуки. Пронесаются мимо бѣлоснѣжные передники, свѣтлыя косы въ легкомъ танцѣ задѣваютъ его, тапера, на урокахъ танцевъ въ аристократическомъ пансіонѣ. Улыбаются дѣвичьи лица. мелькаютъ въ черныхъ туфелькахъ стройныя ножки. Цѣлое поле бѣлыхъ ромашекъ чудится ему; какъ колеблемые вѣтромъ цвѣты, склоняются граціозно и низко и въ плавномъ танцѣ, какъ бѣлая голубки кружатся и стремятся ввысь. На лицахъ упоеніе, въ движеніяхъ чистота. И онъ играетъ, играетъ, самъ увлеченъ, самъ молодой и радостный. Какъ любилъ онъ эти

уроки, когда садился за рояль и ждалъ привычнаго „начинайте!“

Особенно хороши были эти уроки весной. Последнюю весну помнилъ особенно ярко. Все зацвѣло и рано и буйно. Казалось, что уже лѣто. Открыты окна въ высококомъ домѣ и тонкій летаетъ ароматъ сирени. Сегодня у каждой или на груди, или въ рукахъ цвѣтокъ, нѣжная сирень, радостная вѣсть весны и возрожденія. Бѣлыми мотыльками казались сегодня дѣвушки. Играть имъ радостно и упоенно.

„Вальсъ, начинайте!“

И закружились, понеслись мимо, томили и ласкали звуки, пахло сиренью... весной.

„Вальсъ, мадемуазель!“

Люются звуки, кружатся мотыльки, благоухаетъ и сирень,—и чему-то вѣрилось, чего-то ждалъ, отчего-то радостно билось сердце...

Кончили... Строгими колоннами идуть мимо него, на лицахъ еще отблескъ танца и въ глазахъ весна. Всѣ прошли. Всталъ, закрывая рояль, и вдругъ на черной крышкѣ бѣлая вѣтка сирени, записка: „Будьте счастливы, любите всегда, всегда весну и сирень“. „Бѣлая вѣтвь счастья на черной рояли, весенній, дѣвичій привѣтъ „Любите всегда весну и сирень“...

Осень. Стонетъ вѣтеръ, и мелкій дождь стучитъ по крышѣ лѣтняго кинематографа „Судьба“ чернымъ на зеленой афишѣ... Но равнодушные проходятъ, спѣшатъ всѣ мимо, никто не прочтетъ, не остановится. Идетъ дождь и всѣ спѣшатъ домой. Ждетъ хозяинъ, ждетъ кассирша, монтеръ и старый, старый таперъ. Хоть бы одинъ человѣкъ. Медленно бѣгутъ минуты, идетъ дождь и никого, никого не влечетъ „Судьба“. Но вотъ, двѣ фигуры подъ зонтикомъ, взяли билеты и быстро прошли на мѣста. Дѣвушка и юноша.

„Начинайте!“

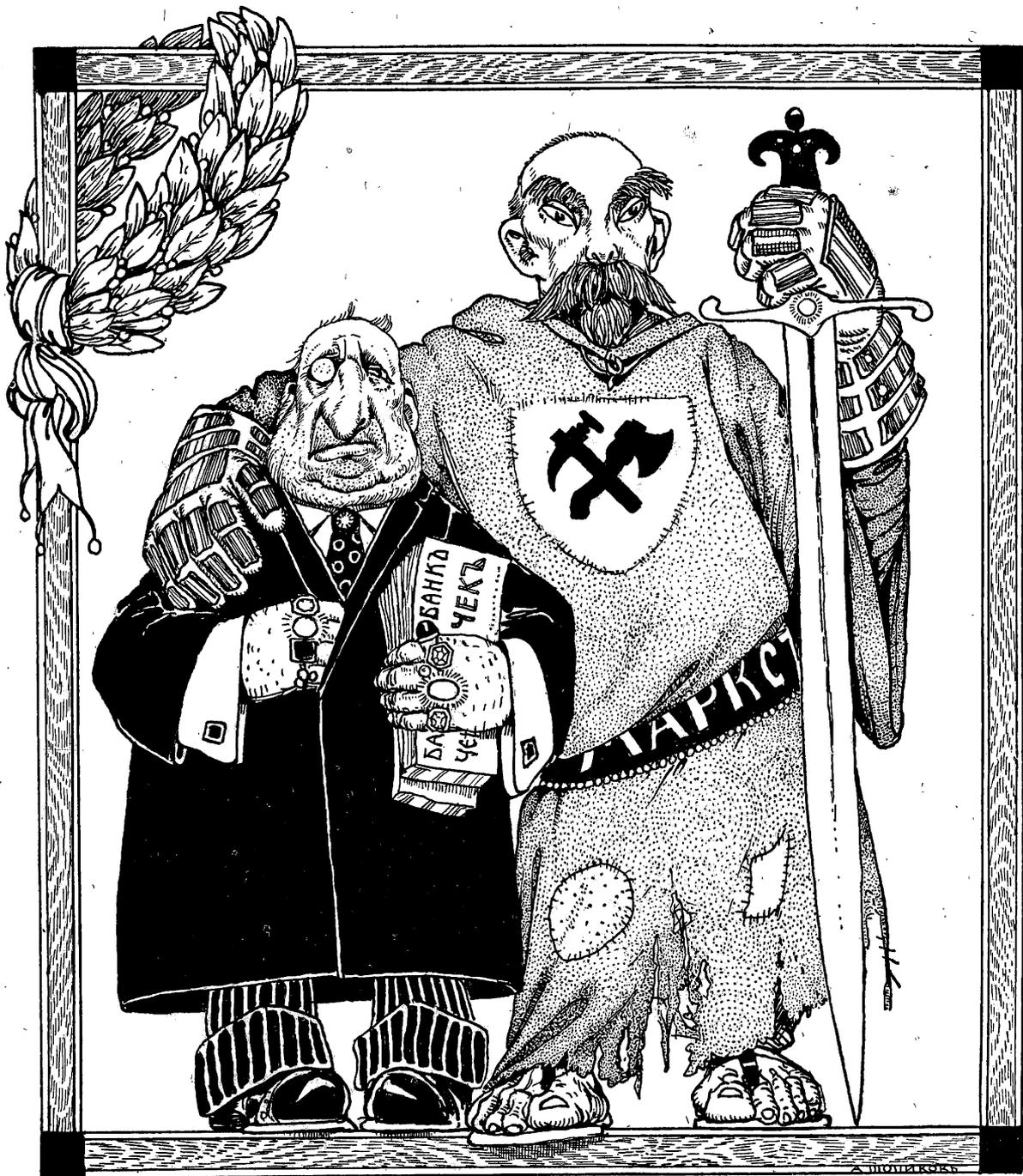
Заигралъ таперъ, освѣтили экранъ и мертвыя замелькали передъ нимъ фигуры. Играть, что при-

дѣтъ на умъ. Ахъ! Не все ли равно, что играть, не все ли равно! Когда возлюбленный въ отчаяннѣйшій убиваетъ любимую, когда мать продаетъ дочь, въ тоскѣ бьется жена у изголовья умирающаго мужа, ахъ, все равно имъ можно играть и веселую польку и танго: они вѣдь мертвые, мертвые, ничего не знаютъ, не слышатъ и три, пять, десять разъ въ вечеръ любить и измѣняютъ, живутъ и умираютъ, и подъ звуки танго сынъ можетъ убить отца, и при звукахъ похороннаго марша наѣздница въ циркѣ

гарцуетъ на конѣ, шантанная танцовщица соблазняетъ зрителей.

Жужжить аппаратъ, мелкается то счастье, то скорбь, играетъ таперъ и кажется ему, что сказкой были бѣлыя дѣвушки, весна и сирень, жизнью—ресторанъ, танго и двѣ женщины—двѣ змѣи, отраженныя въ зеркалѣ. И смерть въ бездушныхъ, сѣрыхъ, мелькающихъ фигурахъ, которымъ все равно, ничего не нужно, для которыхъ нѣтъ ни счастья, ни скорби, ни жизни, ни смерти, ни „Судьбы“.

БИБЛИОГРАФІЯ. А. ТОПИКОВА.



Бельтовъ (Плехановъ) „Наши разногласія“ 1884 г.
Изданіе „Новый Миръ“ 1906 г.